

«Ты злой? — тихонько спросил Муми-тролль. — Ты ужасно плохой, страшный, кровожадный, беспощадный, да? О, ты славный, дорогой, маленький мой, мой, мой!»

Тове Янсон.

«Повесть о последнем в мире драконе».

Сегодня

...Приехал наряд, и скучные люди в скучных серых одеждах со скучными дерматиновыми папками под мышками стали осматривать тело. Они присаживались, обходили его кругом, то и дело задевали откинутую очень белую и неживую руку. Рука при этом шевелилась.

— Соседи обнаружили?.. — спросил кто-то из них скучным голосом, похожим на серый дерматин, и второй кивнул на высокую девицу, которая сидела на площадке между первым и вторым этажом, щурилась, курила и стряхивала пепел в громадную чистую хрустальную пепельницу. Пепельница стояла рядом на ступеньке. Обе, и девица и пепельница, были странные и здесь неуместные. — Все остальные жильцы жмутся к стенам, шепчутся, а эта посиживает себе! Покуривает. Ишь ты!..

— Только ты... поаккуратней с ней, — закрываясь от девицы папкой, пробормотал второй.

— А чего? В истерике?

— Да не в истерике она. Она... в телевизоре.

— Чего?!

— Да она какая-то, блин, писательница из этих... модных. Лелька моя от нее прям визжит!.. Только вчера по телику показывали, она там всех жизни учила...

— Вот, е-мое...

— То-то и оно...

Первый вздохнул и стал подниматься. Девушка смотрела на него внимательно, курила.

— Здрассте, — сказал он, не дойдя, и поправил под мышкой свою папку. — Капитан Мишаков. Ваш труп?

И побагровел от такой своей оплошности.

— Не совсем, — не моргнув глазом, отозвалась девушка и затушила сигарету. — Но я знаю чей. То есть я его знала, пока он еще не пришел в состояние трупа.

Капитан Мишаков, выправляя оплошность, заговорил нарочито громко и четко, и опять вышла глупость:

— Я имею в виду, это вы его обнаружили в состоянии трупа?

— Господи, помоги, — отчетливым театральным шепотом произнесла величественная бабка в атласном расписном халате, — до чего дошло!.. Так я и знала!

Капитан Мишаков посмотрел — соседи толпились, вытягивали шеи. Нужно всех разогнать по квартирам, послать лейтенанта опросить, а начать с бабки.

— Это Толя Кулагин, — продолжала девушка, не обращая внимания на зрителей, и кивнула в сторону трупа. — Он вчера у меня гостевал. Старый друг.

Капитан Мишаков пожал плечами, сбежал на несколько ступенек, призвал Павлушу-лейтенанта, вполголоса отдал указания, вернулся на площадку и пригласил девицу «пройти».

— Куда? — не поняла та, но послушно поднялась, сразу став на голову выше капитана.

Высокие женщины ему не нравились.

— Пройдемте в квартиру! Которая ваша?

В квартире — ого-го, такие все больше в кино показывают! — было сумрачно, очень тихо и хорошо пахло.

— Хотите? — спросила переставшая ему нравиться девица. — Кофе сварить?

— Простите, как имя-отчество ваше?

— Поливанова Мария Алексеевна.

— Мне бы документик.

— Вы проходите, — и Мария Алексеевна сделала приглашающий жест, — сейчас все будет: и кофе, и документики...

Из-под старинной разлапистой бронзово-ветвистой вешалки она вытащила портфель, довольно потрепанный, и пошла по коридору. Капитан двинул было за ней, но остановился и присвистнул, ничего не мог с собой поделывать.

Все стены широченного, как трамвайное депо, коридора занимали книги. Их было столько, что за ними не разглядеть полки, и казалось, книги просто растут из стен, начинаются на полу и заканчиваются где-то в невообразимой высоте, под матовыми лампами на длинных цепях.

Книги были навалены, наставлены, засунуты друг на друга, прислонены, подперты, втиснуты, они жили какой-то собственной, неизвестной ка-

питану Мишакову жизнью. В первый раз он видел живые книги.

— Я вам потом еще в кабинете покажу, — запросто, как другу, сказала девица и распахнула дверь на кухню. — Там еще больше! Считается, что прадед начал их собирать, но сдается мне, что у него уже была библиотека, когда...

— Здравствуйте.

В солнечном, ярком до слез после книжной темноты коридора оконном проеме маячил силуэт. Человек сидел на каменном подоконнике, босой, в джинсах и мятой футболке. На джинсах дырки. На голове кудри и локоны. В руке кружка.

У-у-у, подумал капитан Мишаков. Дело плохо.

— Вот мой документик. — И в руку ему ткнулся паспорт в затасканной обложке. — Вам с молоком и с сахаром?.. — спросила хозяйка.

— Вы тоже паспорт покажите, — буркнул капитан в сторону сидящего на подоконнике и наскоро пролистал страницы, которые сообщали, что Мария Алексеевна Поливанова родилась тогда-то, проживает согласно прописке здесь же, бездетна и в браке не состоит.

— Тогда уж и вы покажите! — произнес длинноволосый.

Капитан перестал листать.

— Что показать?

— Паспорт.

— Зачем?

— А мой вам зачем?

Мишаков рассердился.

Вот чего он терпеть не мог, так вот эдаких фанаберий!.. Сейчас еще про адвоката речь заве-

— Вот, пожалуйста, — сказала девица так близко, что капитан даже вздрогнул и оглянулся.

Чего это она то и дело появляется и исчезает?! Ей бы над старым другом безутешные слезы проливать, а она порхает, хоть и похожа... на лошадь, а лошади порхать не положено!

— Вот паспорт, а это ваш кофе. Я сахару побольше положила.

Капитан почему-то покорно взял и чашку, и паспорт.

Шан-Гирей Александр Павлович. Что за фамилия, чучек, должно быть, какой-то!.. Родился, женился, развелся. Прописан у черта на рогах, военнообязанный, детей нету.

На фотографии кудрявый и дырявый выглядел самым обыкновенным, ничем не примечательным человеком, и капитан вздохнул и поставил кофе на стол.

...Документики-то мы пока приберем, пожалуйста. Для остратки. Известно, когда должностное лицо забирает паспорт и возвращать его как будто и не собирается, это всегда производит... соответствующее впечатление. Оказывает, так сказать, психологическое давление. А капитану Мишакову в данный момент очень важно на странную парочку психологически надавить!..

И он аккуратно и неспешно поместил паспорта в дерматиновую папку и даже «молнию» застегнул, вжикнул специально погромче.

Ни Мария Алексеевна, ни Александр Павлович на такое его «вжиканье» никакого внимания не обратили. Психологическое давление оказать не удалось.

Да ну их совсем!..

— Итак, Кулагин Анатолий Петрович вчера вечером находился здесь в гостях, я правильно понял?..

— Абсолютно, — отозвалась девица. — Два раза.

— Что значит... два раза?

— В первый раз Алекс его выставил, так он вернулся! Пришлось еще раз выставлять. Повторно.

— Алекс кто такой?

— Это я, — все с тем же неприязненным равнодушием представился чучмек в локонах, по паспорту Александр Павлович.

— Вы бы кофе попили, — посоветовала девица. — Остынет.

Мишаков покосился на крохотную чашечку со странно закрученной ручкой и непонятной картинкой.

Все в это доме непонятно и странно закручено.

— Вы, Александр Павлович, вчера тоже в гости приходили?

— Я здесь живу.

Что чучмек не гость, а хозяин, видно невооруженным глазом, это капитан уж просто так спросил!..

— Вы сказали, что вчера вечером с Кулагиным подрались. Из-за чего?..

— Во-первых, это не я сказал. Во-вторых, мы не дрались.

— Вы бы уж договорились между собой, — начал капитан Мишаков, стараясь, чтоб прозвучало добродушно, и отхлебнул кофе. Горячо! Вкусно! Надо бы Павлуше, лейтенанту, сказать, чтоб глянул наскоро на предмет синяков и ссадин на трупe,

а там дальше эксперты как следует посмотрят. — Вы бы договорились, чего врать станете! А то куда это годится! То дрались, то не дрались. Но на всякий случай хочу предупредить, что за дачу ложных показаний ответственность предусмотрена.

— Пока никто из нас никаких показаний не дает. — Чучмек оперся ладонями о каменный подоконник, свесил патлатую голову и теперь рассматривал собственные босые ноги. — Или тогда ведите протокол.

Вот терпеть Мишаков не мог всяких таких фанаберий!.. Тут уж и до адвоката недалеко! Сейчас начнет права качать и грозить международным трибуналом в Гааге! Слыхали мы эти песни. Эх, если б не девица из телевизора — капитан покосился на нее раздраженно, — отволлок бы сейчас этого в отделение, съездил пару раз по зубам, засадил в «обезьянник», живо бы тон сменил!..

— Выходит, вы не дрались?..

— Ничего не выходит, капитан. — Шан-Гирей перестал изучать свои ноги, поднял голову и уставился ему в глаза так, что Мишаков даже дрогнул немного, стул под ним громыхнул. — Этот ваш Кулагин вчера приходил к нам и очень плохо себя вел. Первый раз я его просто вывел на площадку. Но он через некоторое время вернулся, стал буяннить и...

— Алекс дал ему по физиономии, — влезла девица, — и мы его больше не видели.

Глаза за стеклами круглых очков сияли.

Вот хоть ты тресни, подумал капитан Мишаков, а каждая женщина на свете приходит в восторг, если мужчина в ее присутствии совершает «героический поступок»! Неважно какой. Матер-

щинника там приструнит, колесо поменяет, бабуса нищей двадцатку сунет. Женщине все равно. Главное, что — герой!

И этой, из телевизора, важно, что ее чучмек кому-то по морде съездил! Первобытно-общинный строй, что ни говори, а все туда же, эмансипированные они, свободные!..

Как бы не так — свободные!..

— Если вы отказываетесь сотрудничать, я вас сейчас заберу в отделение, и там мы во всем разберемся. Под протокол! — Капитан повысил голос, потому что чучмек явно собрался что-то возразить. — Итак, я спрашиваю: что произошло вчера вечером в вашей квартире? И еще, — Мишаков одним глотком допил кофе из диковинной чашки. — Кто из вас убил Кулагина Анатолия Петровича?

— Матерь божья, — пробормотал Шан-Гирей, отвернулся и стал смотреть в окно.

— Никто не убивал, — удивилась девица. — Что мы, с ума сошли, что ли?.. Очень нам нужно его убивать!..

— Он не стоит таких усилий, капитан, — глядя в окно, добавил Шан-Гирей.

Да ну их совсем!.. Психологический прием опять не сработал, а ведь хороший прием-то! Когда-то в Школе милиции следователь Петрушин, еще той, старой закалки следователь, учил их, желторотых юнцов: иногда и очень даже часто, особенно если убийство совершается на бытовой почве, преступник на прямой вопрос дает прямой ответ.

От растерянности дает. От неуверенности. От раскаяния, что сделал глупость — убил, а уже ничего не исправить!

Но эти двое не были растерянными и уж точно ни в чем не раскаивались!..

— Вы... не спешите? — с сочувствием спросила девица. — Как ваше имя-отчество?

— Сергей Петрович!

— Я вам сейчас все расскажу, Сергей Петрович, — пообещала девица. — Только это будет... долго. Ничего?..

Вчера

Писательница Марина Покровская — в миру Маня Поливанова — поняла, что больше ни секунды не сможет провести за компьютером, ну просто ни одной секунды! Отрываться было жалко — там, у нее в романе, дело шло к развязке, и герой уже почти догадался, кто убийца, и героиня уже почти догадалась, кого она любит, и убийца почти догадался, что должен спешно уносить ноги, а тут, как назло, у автора силы кончились!..

— Охо-хонюшки-хо-хо, — под нос себе пробормотала писательница Поливанова и потеряла глаза под очками.

Очки немедленно свалились с носа, пластмассово клацнули по клавиатуре. Маня испуганно посмотрела, не разбились ли.

Ничего, целы.

Очень хотелось есть, пить, спать и как-то подвигаться — все одновременно.

Маня тяжело выбралась из-за стола и проделала некое антраша, очень неловко. В глазах потемнело, в голове загудело, и пришлось схватиться за край массивного письменного стола, чтобы не упасть.

— Уработалась что-то, — громко сказала Маня, хотя точно знала, что ее никто не услышит. — Так нельзя, матушка. Скоро к стулу прирастете, отдирать придется.

...Алекс уехал на какое-то интервью, давно, еще в обед. Давать интервью он терпеть не мог, долго ломался, скулил, ныл, говорил, что не поедет, и не уговаривайте, хотя сразу было понятно — поедет, никуда не денется. Об этом хлопотала сама Анна Иосифовна, очень мило:

— Алекс, душа моя, сделайте одолжение! Я так редко о чем-то вас прошу, ведь правда? Много времени это не займет!

«Душа» Алекс согласился, конечно, но зато душу из Мани вынимал... долго и основательно.

Так полагалось по правилам игры.

Правила были чрезвычайно просты. Все, что делает Александр Шан-Гирей — писатель Алекс Лорер, — чрезвычайно важно, талантливо, первостепенно и грандиозно. В масштабах человечества, разумеется.

Все, что делает Мария Поливанова — писательница Марина Покровская, — не имеет никакого значения, узко, мелко и годится лишь для кратковременного развлечения. Человечество ни при чем.

«Талантливый и грандиозный» Алекс Лорер создавал самые настоящие шедевры, романы, признанные во всем мире.

«Узкая и мелкая» Покровская — на самом деле рослая и довольно крупная — строчила детективы, которые, как известно, презирают все: и критики, и журналисты, и сами писатели. Кро-

ме, собственно говоря, читателей, среди которых есть и критики, и журналисты, и сами писатели. Для них-то, для читателей, Маня и старалась.

Сегодня особенно — вон чуть в обморок не повалилась прямо у письменного стола!..

Повздыхав, Маня с сожалением закрыла крышку ноутбука с нарисованным молочно-белым яблочком, очень соблазнительным, и подумала, что неплохо было бы на самом деле яблоко съесть, но где ж его взять?.. Ехать на рынок нет сил, да и поздно уже, восьмой час, послать «человека» тоже нет никакой возможности. «Человек» уехал давать интервью, и когда явится к очагу — неизвестно.

Вот если бы у меня была дача в Малаховке, мечтала Маня по дороге на кухню, я бы вкопала в саду круглый стол, а на него бы поставила корзину, и в ней всегда были бы яблоки — красота!.. Еще у меня была бы беседка, классическая, дачная, как во внутреннем дворе «Алфавита», увитая диким виноградом, с широкими лавками и дощатым полом, на резные перила брошен клетчатый плед.

Отчасти Маня Поливанова в данный момент напоминала самой себе помещика Манилова из Гоголя, который желал, чтоб непременно был пруд, а через пруд чтоб мост, а на мосту чтоб купцы и лавки!..

И в холодильнике не нашлось ничего утешительного!.. Два куска сыру, но разве ж это утешение!.. Алекс любил сыр, а Маня не очень, хотя знала, что сыр и красное тосканское вино — это правильно, это положено любить.

Чего бы поесть?.. Маня задумчиво почесала ногу через дырку в джинсах и захлопнула холодильник.

— Чижа захлопнула злодейка-западня! — провозгласила она.

Может, красного тосканского вина тяпнуть? И заесть его сыром, как положено?..

Грустно, когда дома нет никого и некому сказать, что устала, когда в холодильнике шаром покати, а в спине кости цепляются друг за друга, ноют, мешают жить, и в голове какая-то ерунда про Манилова и чижа!

Грустно, когда успехи и победы или усталость и неразбериху мыслей не с кем разделить и никому дела нет...

— Никому — это кому? — сама себя спросила Маня Поливанова, наугад вытащила с полки вино и подслеповато уставилась, пытаясь разобрать, тосканское оно или нет. — Никому — это значит Алексу, правда же, голубушка? Только он вас интересуется!

Не разобрав, что написано, Маня водрузила бутылку на стол.

— Он занимал все ее мысли, — торжественно произнесла она и приналегла на штопор, который что-то плохо вкручивался. — Душа ее ни об чем так не убивалась, как об нем!..

Маня вытащила длинную влажную пробку и понюхала — по правилам обязательно нужно понюхать. Пахло хорошо, как будто листьями, травой и черной смородиной.

Вот если, к примеру, позвонить Викусе или Катьке Митрофановой, они непременно приедут

и ее спасут! Пожалуют бедную усталую Маню, дадут поесть, расскажут, как там, на воле, где постепенно разгорается лето!..

Викуся еще, должно быть, скажет, что дождик сейчас был бы очень кстати, а то у нее на даче огурцы горят, или, может, петрушка, или баклажаны, Маня в огородничестве ничего не смыслила... Тетя очень любила дачную жизнь и всячески пыталась приобщить к ней племянницу, но что это за дача — шесть соток с грядками, ступить некуда, садовый домик в полторы неуютные комнатки, где в одном углу ютились плитка с газовым баллоном и стол, крытый жесткой изрезанной клеенкой со скрученными от старости краями, а в другом лопаты, грабли и ведра — все это внутри, чтоб не сперли!..

Впрочем, в прошлом году Викуся «окончательно решила», что так больше продолжаться не может и племянница должна переехать за город и ни минуты не задыхаться больше в «душной Москве, ни одной минуты!». Был прикуплен участок где положено, на северо-западе, правда, в чистом поле, ни дерева, ни кустика, только развороченная бульдозерами земля до самого горизонта. Ни Маня, ни Викуся толком не знали, как именно следует строить загородные дома, и дело продвигалось медленно и совсем не так, как представлялось в начале дачной эскапады. Круглый, утирающий красное лицо и подпрыгивающий на месте, как пыльный детский мячик, дядька-прораб во всем с Викусей соглашался, называл ее «хозяйюшка», но поделывать ничего не мог — строили кое-как, и выходило очень дорого. Викусе постепенно все надоело, хотя она и делала вид, что не сдает-

ся, и в последнее время они даже стали ссориться с Маней. Тетушке казалось, что Маня все «свалила на ее плечи, а сама ничем не интересуется».

В общем, так оно и было, но интересоваться у Мани решительно не было возможности и сил — она зарабатывала деньги на «большое строительство».

Тут писательница Поливанова вздохнула, сознавая собственное несовершенство.

...Вот если бы у меня была дача в Малаховке, с соснами и зарослями бузины и жасмина, в которых всегда таинственно и прохладно, с самоваром, растопленным на шишках, с дивным кустом пионов под окном спальни — окно распахнуто, ветер вздувает кружевную штору, — тогда бы я непременно...

В дверь позвонили.

Обрадованная Маня кинулась открывать — вернулся, ура, ура, сейчас вместе будем пить вино и заедать его сыром, это ведь так вкусно, — и только у самого порога сообразила, что Алекс не стал бы звонить. У него ключи есть.

Маня Поливанова нажала кнопку на домофоне и сначала удивилась, потом огорчилась, а потом решила притаиться.

Никого нет дома!..

— Поливанова, открывай! — во весь голос закричал человек на площадке, и она подалась назад от неожиданности. — Давай, давай, шевелись! Где ты там пропала?..

Маня с другой стороны двери несколько раз стукнула лбом в стену, помедлила и отперла. Деваться теперь некуда.

— Ты спишь, что ли, кулема?! — Незванный гость, который, как известно, хуже татарина, отдуваясь, протиснулся мимо нее. — А лифт чего, не работает?

— Про лифт не знаю, а я работаю, — холодно сообщила Маня Поливанова. — Привет, Анатолий. Проходи. Ты бы хоть позвонил сначала, что ли!..

— А я телефон вчера про... подевал куда-то! А про работу свою ты мне-то не заливай! — Один об другой он стянул с ног ботинки и приложился к Маниной щеке мокрым поцелуем. От него пахло дорогим одеколоном и чуть-чуть спиртным. — Журналистам будешь заливать! Можно подумать, я ничего не знаю про твою работу!

Маня немедленно поклялась себе, что заводится ни за что не станет. Она будет мила, гостеприимна, любезна, как и полагается со старым другом.

— Ну чего? — Он оглядел ее с головы до ног. Маня машинально пригладила очень короткие растрепанные волосы. — Все толстеешь?..

Он пошел по коридору совершенно по-хозяйски и велел издали:

— Займись физкультурой, Машка! Похудеть не похудеешь, но хоть расти как на дрожжах перестанешь!..

...А что поделаешь?.. Старый друг. Лучше новых двух. Где бы взять двух новых и обменять их на этого старого?..

— Или не жри после шести! Вот я перестал и — видишь?..

В глубине коридора он стал к ней боком и втянул живот изо всех сил. Маня сказала, что видит.

— Я после шести только из-за компьютера вылезаю, — словно оправдываясь, добавила она. — Или после восьми. А бывает, и ночью, смотря как пойдет!

— Поливанова, ну чего ты?.. Как будто я твоих книженций не видал! Это ж все задней левой ногой делано, их можно дюжину в неделю писать!.. И людей можно нанять, они все за тебя напишут, какая, на хрен, разница!.. Это же вообще не работа.

Маня Поливанова никогда не могла понять — старый друг оскорбляет ее намеренно или у него просто такие... своеобразные представления о ней и ее жизни?..

— А где твой гений? Бросил тебя уже или еще нет?

— Еще нет, — бодро откликнулась Маня. — Хочешь вина?

— Смотри ты! — удивился Анатолий. — Сколько он уже продержался? Год? Или даже больше?.. Вина я не пью, ты же знаешь, я лучше коньячку достану!..

И полез в пузатый прадедушкин буфет.

Маня постояла в дверях гостиной и ушла на кухню. Внутри головы у нее образовался крохотный, как будто свинцовый, шарик, очень тяжелый и холодный. Маня знала, что дальше он начнет неуклонно расти, и часа через два вместо головы у нее будет огромный, холодный металлический шар.

Маня плеснула себе вина, залпом выпила и достала из холодильника сыр.

— Есть нечего, конечно? — осведомился Анатолий, появляясь на пороге. В руках он держал увесистую круглую бутылку и два коньячных бо-

кала. — Ну до чего вы, бабы, дуры, а?.. У тебя же вроде мужик в доме, а на стол подать нечего!

Маня, которая считала себя образцовой хозяйкой, возразила, что к приему гостей сегодня не готовилась и закупками провианта не занималась.

— И потом, ты же после шести не ешь, — напомнила она с некоторым злорадством. — Соблюдаешь красоту.

Он махнул на нее рукой.

— Один раз можно. На меня бабы знаешь как бросаются?..

— Как? — тут же спросила Маня, и Анатоль глянул на нее с подозрением.

Фамилия его была Кулагин, Анатодем он стал непосредственно по прочтении бессмертного романа графа Толстого «Война и мир». Анатоль Куракин — вот кто перепахал его неокрепшее юношеское воображение! Маня смутно помнила разговоры в семье о том, что дедушка и бабушка нынешнего Анатоля, тогда еще просто Толика, были всерьез обеспокоены и делились переживаниями с Маниными родственниками. Со всей силой изобразительного таланта граф, как известно, живописал Анатоля первостатейным подлецом, и что именно привлекало в нем Толика, для бабушки и дедушки оставалось загадкой. Маня помнила какие-то тревожные разговоры про «молодое поколение», «крушение идеалов», «слишком легкую жизнь».

Тревожные разговоры велись в этой самой квартире, за чайным столом, под молочной люстрой на бронзовых цепях, заливавшей уютным светом белую скатерть. Под этим светом особенно

желтыми, яркими казались мармеладки «Балтика», облепленные бриллиантовыми крупинками сахара и вкусно уложенные в хрустальную вазочку.

После «Войны и мира» начались проблемы посерьезнее — «дурная компания», «чуждые ценности», «антисоветские элементы». Помнится, даже случилось совсем ужасное — прослушивание «Голоса Америки»! В той самой дурной компании, разумеется.

Мальчик, разумеется, умный и тонкий, не умел сопротивляться тлетворному влиянию, и решено было забрать его из МГИМО и отдать в ПТУ, кажется, по специальности стропальщика, а может, оператора станков с числовым программным управлением. И вроде даже отдали!.. Впоследствии Анатолий своим пролетарским андеграундным прошлым очень гордился — еще бы, сходил в народ и выжил!..

Впрочем, пребывание «в народе» ничего не изменило, он «стремительно катился под горку», набирая обороты. Бабушку и дедушку признали не справившимися с воспитанием, и тогда решено было из ПТУ отправить мальчика в Париж, где жили родители. Папа Анатолия состоял на очень большой и совершенно безопасной должности — то ли представителем ЮНЕСКО где-то, то ли советником по культуре при ком-то.

Жизнь, и до этого прекрасная, тут уж стала просто фантастической!.. Родители, милые и культурные люди, обременять себя не любили. Они потрепали шалунишку по длинным патлам в битловском стиле, рассеянно посоветовали «не дуришь» и определили в знаменитый буржуазный университет.

Папа ловко все устроил — простой советский паренек Анатолий Кулагин приехал «по обмену» из ПТУ непосредственно в Сорбонну!.. Здесь он моментально выучился блестяще говорить по-французски, курить травку и писать стихи.

Университетские подружки считали, что он не лишен поэтического дара, в котором есть что-то от Бодлера.

Лет двадцати Анатолий женился первый раз, кажется, на бразильянке, а может, на мексиканке. Родилась дочка Роксолана, Рокси, чернокудрая и черноглазая красавица, чудесное скрещенье рас и смешение кровей. Вскоре ее мать окончила курс и отбыла к себе в Рио, а может, в Мехико, и все устроилось наилучшим образом, абсолютно для Анатолия необременительно.

Постепенно все умерли — бабушка с бабушкой, кажется, от огорчения из-за внука, так и не ставшего «порядочным человеком», и из-за коммунизма, так и не ставшего светлым будущим всего человечества. И во внука, и в коммунизм они верили свято и умерли, когда верить стало не во что и не в кого.

Потом родители. Отца разбил инсульт, когда новая власть бесцеремонно выпроводила его на пенсию, заставив сдать дела какому-то проходимцу, носившему пиджак из блестящей негнушейся ткани и беспрестанно жевавшему жвачку. Возможность купить жвачку за двадцать сантимов на любом парижском углу ввергала проходимца в экстаз. Мать какое-то время судорожно пыталась спастись от жизни, внезапно рухнувшей на нее, приставала к сыну, плакала, смотрела

замученными глазами и все рассказывала, как он, маленький, ждал с работы отца. Дело происходило на даче, куда всех без исключения привозили черные «Волги», а он, совсем малыш, как-то научился различать именно отцовскую и ковылял с крыльца навстречу, и няня все боялась, что ребенок упадет, а он не упал ни разу!..

Анатолю было не до матери и ее глупых воспоминаний, и она тоже вскоре умерла.

На трагедии, сотрясавшие его семью и страну, он особенного внимания не обращал. Ему жилось прекрасно.

Во Франции остались связи, да еще какие! Одно время он бойко переводил для журналов, а потом французская жена ввела его в богемные круги, и он приналег на пьесы новых российских драматургов для экспериментальных парижских театров. Пьесы были ужасны, разумеется, про извращенцев, действительность вывернута наизнанку до такой степени натуралистично, что зрителей тошнило в проходах, — настоящий, большой успех!.. Анатолий и сам написал одну, где мать и сын сожительствуют друг с другом, и втроем сожительствуют с каким-то клошаром, а потом кто-то из них перерезает кому-то вены чайной ложкой, которую несколько минут точит на авансцене, и с первого раза перерезать не получается, а потом все удается, и тогда этой же ложкой герой пилит себе горло, и кровь вырывается фонтаном, и в финале безумная мать качает на коленях своего умирающего в страшных мучениях любовника-сына с перерезанным черным горлом и поет ему смешную детскую песенку.

Об этой его пьесе даже написали в левацкой газете.

Потом ему все надоело, и француженка надоела, они все с годами становятся скучными, как длинный и узкий шкаф с давно прочитанными книгами!.. Несколько раз она принималась всерьез толковать ему о ребенке, о загородном доме, о том, что в душном и пыльном Париже невозможно растить детей, о совместном счете на будущий университет для будущего отпрыска, о кредитах, о своем папочке из Нормандии, готовом выделить для зятя часть бизнеса, — ужасно.

Анатоль развелся и уехал в Москву, где было гораздо веселее!..

Власть переменялась, социализм обратился в капитализм, и не просто какой-нибудь завалящий, а «со звериным оскалом», но у руля, вот ведь странность, остались те же отцовские приятели, торжественно сжигавшие свои партбилеты прямо перед телекамерами, или их подростковые сыновья, все хорошие и милые люди. Но если в махровые совковые времена путать «свою шерсть с государственной» все же считалось преступлением, за которым могло последовать наказание, то нынче все стало гораздо проще. Выражение «все вокруг колхозное, все вокруг мое» приобрело совершенно прямой, ясный и понятный смысл. Друзья и знакомые стремительно и неудержимо богатели, гребли под себя, обзаводились охранниками и бронированными автомобилями — все же конкуренция высока, а оскал «звериный»! Анатолий к богатству был равнодушен, именно потому, что в нем вырос, и честно не понимал, для

чего нужно день и ночь ковать деньги, если они и так есть всегда!

Он опять переводил, только теперь наоборот, с французского на русский, кутил по ресторанам, поигрывал в рулетку, но никогда не увлекался, ибо был довольно скуп. Потом лихие разбойничьи времена миновали, постепенно сползли в скуку, обложенную для тех, кому повезло, со всех сторон мешками с миллионами, как горячечный больной обложен пакетами со льдом. Им стало ясно, что нужно как-то развлекать себя, а кабаки, бордели, иностранные тачки и браслеты «Картье» уже не вызывали аппетита. Захотелось чего-то эдакого, европейского, как его там... джентльменского чего-то захотелось!

И Анатолий вновь пригодился.

Его одноклассник прикупил радиостанцию и позвал Кулагина работать в эфир, а еще один знакомец учредил журнал, и Анатолий стал пописывать и называться модным словом «колумнист».

Наш колумнист Анатолий Кулагин!..

Дедушкина и отцовская квартиры, одна окнами на реку и Кремль на той стороне, а другая на Третьяковскую галерею, сдавались за какие-то несусветные деньги, сам колумнист и радиоведущий жил на даче, приятель — владелец автосалона — пригнал ему из Германии почти новую машину, еще не виданную в России, и продал за треть цены, по-дружески, по-свойски.

В Москве Анатолий моментально заделался членом высшего общества и аристократом в третьем поколении. Из низов туда тоже пробилось немало! И все эти пробившиеся, плохо образо-

ванные, жадные, не умеющие по первости как следует управляться с ножом и вилкой, сующие заскорузлые кулачищи в карманы итальянских брюк ручной работы, чтоб от нечего делать погреть там ключами или мелочишкой, ковыряющие в ушах во время многомиллионных переговоров, заедающие столетний виски салатом «Оливье», вот они-то считали Анатоля с его парижским и кунцевским дачным прошлым образцом стиля, хорошего воспитания и аристократизма! Ему даже подражать пытались, но так носить пиджаки и клетчатые шарфы, курить сигары и выбирать устриц не умел никто!

Он женился еще раза три, все так же необременительно, а лет в сорок «полюбил по-настоящему».

Возлюбленной в то время едва стукнуло семнадцать, и она покоряла Москву на свой лад в каком-то модном клубе, где ее и подцепил Анатолий. Маня Поливанова, с которой он снисходительно дружил в память о прошлом и еще потому, что дружить с ней было не стыдно, какая-никакая, а знаменитость, даже уговаривала его «не делать глупостей и оставить девчонку в покое».

На проститутку новая возлюбленная была не похожа, напротив, все мерзкое, столичное, разложившееся ненавидела. Она носила джинсы в обтяжку, а сверху цветастую цыганскую юбку, на голову повязывала бандану туго-туго, сверху пристраивала темные сиротские очки в духе Джона Леннона, катала в зубах толстую папиросу — совершенно по-одесски — и всерьез рассуждала о Гессе. А когда Анатолий приводил ее на Покровку, учила Маню жизни.

Маня слушала, вздыхала, курила, взглядывала поверх очков и старалась помалкивать.

Девчонка презрительно фыркала на Манины паркеты, просторы, полосатые отгоманки, латунные ручки и льняные занавески. Она то и дело выскакивала на балкон — в прадедушкиных хоромах «ей было нечем дышать и воздуха не хватало». На балконе она перевешивалась через перила, как будто ее тошнит. Маня поначалу пугалась.

Своего прадедушку, знаменитого авиаконструктора Поливанова, строившего во время войны легкомоторные бомбардировщики, получавшего Сталинские премии, ордена и звания, Маня очень любила и гордилась им. В энциклопедии конструктору Поливанову была посвящена целая страница! Девчонка же именовала его «при-spешником тирана» и утверждала, что всех таких непременно нужно судить посмертно показательным судом за то, что они «работали на режим и укрепляли власть сатрапа, вместо того чтобы честно бороться!».

Маня ничего этого слушать не могла и особенным терпением никогда не отличалась, так что все гостевания сей странной пары на Покровке, как правило, заканчивались скандалами.

Анатоль скандалы любил, а Маня ненавидела.

И с девчонкиным именем вышла путаница!..

Поначалу она была вроде Настя Обдуленко, но Анатолий решил, что такое имя престелнице не слишком подходит, загадочности мало, да и вообще за версту разит Одессой и Привозом, и переименовал ее в Асю Ленко, решив, что без «обду» фамилия выйдет гораздо благозвучнее.

Некоторое время приятели, и Маня тоже, разучивали новое имя и уже почти разучили, когда Анатолий опять ее переименовал!.. Теперь девчонку следовало называть Таис Ланко. Таис худобно при некоторой фантазии и перестановке букв могло сойти за сокращение от Анастасии, а Ланко звучало на редкость по-французски, а все французское Анатолий любил.

Кроме того, от Таис Ланко до Манон Леско совсем уж рукой подать!

— Ты играешь в аббата Прево? — спросила Маня, первый раз услышав новое имя возлюбленной Анатолия, а девчонка — знаток Гессе и литературы вообще — наивно спросила, при чем тут аббат.

В общем, и смех и...

— Грех, — под нос себе пробормотала Маня и глотнула еще вина, шут его знает, может, и тосканского, — и грех, и смех...

— Что ты там бормочешь? — Анатолий залпом хлопнул коньяку, довольно прилично, покопался в тарелке с сыром, ничего не выбрал и шумно выдохнул. — Развожусь я, Машка. Все. Больше не могу.

— Как?! — воскликнула Поливанова без особого энтузиазма. — Опять?!

— Вот что такое, а? — Анатолий вдруг покраснел и быстрым движением плеснул еще коньяку. — Вот чего ты мне сейчас морали будешь читать? Не учи взрослого дяденьку жизни, Машенька! Я гораздо больше тебя понимаю! И я говорю — не-мо-гу! Все!

Маня вздохнула.

Хоть бы Алекс быстрее вернулся со своего интервью! Яблок и колбасы не привезет, конечно,

но Анатоля... разгонит. Непонятно, почему так получилось, но Анатолий Кулагин Александра Шан-Гирея не то чтобы недолюбливал, а... как будто побаивался, что ли!..

Алекс никогда не вступал ни в какие дискуссии, в присутствии Таис Ланко вообще молчал. Поначалу Таис воинственно наскокивала на него с обвинениями, что, мол, Алекс пишет мелкобуржуазную прозу для старичков и импотентов, а писать нужно о том, что сатана грядет, и сгнивший мир смердит, как разложившийся труп, и черное солнце вот-вот встанет на Западе и возвестит, что настал последний передел.

Алекс какое-то время слушал, а потом неизменно спрашивал, очень вежливо:

— Хотите кофе? Или бутербродов? И хлеб, и колбаса у нас обыкновенные, от Елисеева.

Таис не понимала, почему Маня в этот момент всегда улыбалась, а Анатолий, наоборот, раздражался и говорил любимой, что она «чудовищно необразованна».

С самим Анатодем Алекс разговаривал вполне дружелюбно, но как-то слишком отстраненно, словно британский принц с королем Свазиленда Мсвати Третьим, явившимся на прием в Букингемский дворец в плетеной соломенной шляпе. Вроде и придрататься не к чему, и протокол соблюдается, но тесного общения на равных никак не выходит.

В кулуарах Анатолий называл Алекса «хрен с горы» и еще — «наша гребаная знаменитость».

Алекс, в свою очередь, под разными предложениями уклонялся от участия в передаче, которую